

Т. В. Самосюк

Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы, Минск

T. V. Samosiuk

Belarusian Institute of System Analysis and Information Support for Scientific and Technical Sphere, Minsk

УДК 94(4-11)(082): 930.1(44)

ФРАНЦУЗСКИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО РЕГИОНА (XIX – НАЧАЛО XXI В.)

FRENCH HISTORIOGRAPHIC CONCEPTS OF THE EASTERN EUROPEAN REGION (XIX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY)

Анализ развития французской историографии XIX – начала XXI в. показывает, что ориенталистский подход в изучении восточноевропейского региона постепенно был несколько сглажен, возникли концепции Центральной, Центрально-Восточной, Срединной Европы, которые в контексте формирования единой Европы обосновывали причастность восточной части региона к западноевропейской культуре и его политическое отделение от России.

Ключевые слова: историография; Франция; Центральная, Восточная Европа.

Analysis of the development of French historiography of the 19th – early 21st centuries shows that the orientalist approach to the study of the Eastern European region was gradually smoothed out, the concepts of Central, Central-Eastern, and Central Europe arose, which in the context of the formation of a united Europe justified the involvement of the eastern part of the region in Western European culture and its political separation from Russia.

Key words: historiography; France; Central, Eastern Europe.

До 1918 г. большая часть изучаемого нами региона входила в состав Германской, Российской, Австрийской и Османской империй. После Первой мировой войны возникла слабая пост-версальская совокупность мелких, несамостоятельных государств Восточной Европы, которые вскоре были захвачены нацистской Германией. После Второй мировой войны освобожденные Красной Армией страны восточноевропейского региона стали сферой влияния СССР. В 1989 г. в результате серии «бархатных революций» восточноевропейские государства перешли под контроль Западной Европы и США. Пересмотр этими странами геополитических и цивилизационных ориентиров стал результатом длительного процесса идеологической борьбы за эту территорию в ходе «холодной войны».

Необходимо отметить, что французская историография восточноевропейского региона с XIX в. развивалась в рамках общих для всей западной историографии подходов, которые хорошо представлены в книге амери-

канского ученого Ларри Вулфа «Изобретая Восточную Европу...». Автор этой работы утверждает, что в XVIII–XIX вв. в западной историографии Россию, Польшу, Чехию и Венгрию относили к единому «цивилизационному ареалу». Восточноевропейский регион описывали саркастически в рамках ориенталистского подхода – как ущербный, недоразвитый, агрессивный и несоответствующий европейским стандартам. С развитием европоцентризма в XIX в. сформировалось унифицированное видение различных культур, отличных только степенью развитости, поэтому Восточную Европу стали воспринимать еще и как архаичную и отсталую [1], [4], [3, с. 8; 17, р. 393].

Те определения, которые в разные исторические периоды в академическом сообществе Франции использовались применительно к восточноевропейскому региону («Центральная», «Средняя или Срединная» («Mitteleuropa», «Europe centrale», «Europe médiane»), «Восточная Европа» («Europe de l'Est», «Europe orientale»), «Промежуточная» («Europe de l'entre-deux»), «Другая»¹ («Autre Europe») «Центрально-Восточная» («Europe du Centre-Est»), крайне редко «славянская» («Europe slave», «Germania slavica»)…), несли на себе определенную политическую и идеологическую нагрузку [14, р. VI, IX–X]. Функция словосочетания «Центральная, Средняя Европа» – отгородиться от России и Балкан, подчеркнуть устремленность региона на Запад, функция понятия «Восточная Европа» – отгородиться от Германии, подчеркнуть причастность к России. А функция понятия Центрально-Восточная Европа – отгородиться и от Германии, и от России [6].

В XIX в. в связи с ростом политического влияния Российской империи после ее победы над наполеоновской Францией и тем, что она стала одной из великих держав, установивших Венскую систему международных отношений, французская историография была вынуждена признать, что Европа простирается до Уральских гор, то есть признать некоторое равноправие Западной Европы и Восточной, а также России. Но проведение границ между Европой и Азией по Уралу постоянно подвергалась критике, так как Россия на Западе признавалась частью единой политической системы, но не частью единой цивилизации. Об этом пишут французские исследователи и путешественники маркиз де Кюстин и Анатолий Леруа Болье («Lettres de Russie du marquis de Custine», 1839; Anatole Leroy-Beaulieu «L'Empire des Tzars et les Russes en 3 volumes», 1886). В эпоху, когда христианство играло в мировоззрении людей большую роль, акцентировалось внимание на принадлежности России к православию, что отделяло ее от католической и протестантской части Европы, как и большую часть Балкан [3, с. 6–7; 21, р. 28].

¹ Французский перевод заглавия книги польского поэта Чеслава Милоша «Родная Европа» («Rodzinna Europa») (Milosz, C. Une autre Europe / C. Milosz. – Paris: Gallimard, 1964. – 302 p.) и название книги известного французского историка и политолога Жака Рупника (Rupnik, J. L'autre Europe: crise et fin du communisme / J. Rupnik. – Paris: Le Seuil, 1993. – 446 p.).

Впервые понятия «Mitteleuropa» и «Центральная Европа», включенная в германскую сферу влияния, стали употребляться в 1840-е гг. в связи со сложившимся культурным доминированием немцев в регионе, ростом роли Пруссии в Европе, особенно после франко-прусской войны и создания Германской империи (1871–1918 гг.). Во французской историографии в XIX в. изучение региона проводилось под сильным влиянием габсбургского наследия. Во французских учебниках для средних школ, а также в научных работах по истории Европы, как, например, в книге Шарля Сеньбоса (Политическая история современной Европы 1814–1896 / пер. с фр. под ред. В. Поссе. – СПб., 1897. – Т. I. – 262 с.) Центральная Европа изучалась только как культурная и духовная общность народов, сформированная Габсбургской монархией, и включала в себя Бельгию, Нидерланды, Швецию и Германию [4; 6; 17, р. 394, 399; 18, р. 209].

Однако французская внешняя политика в XIX в. была направлена на ослабление влияния Пруссии, Австрии и России в регионе, усиление которых произошло за счет разделов Речи Посполитой. В 1807 г. из польских территорий, отошедших во время Второго и Третьего разделов Речи Посполитой к Пруссии и Австрийской империи, было образовано Великое Герцогство Варшавское под протекторатом наполеоновской Франции. До 1846 г. просуществовала Краковская Республика, руководствующаяся Кодексом Наполеона. Франция поддерживала польские восстания 1830–1831 и 1863 гг. Наполеон III на конгрессе в Париже в 1856 г. способствовал созданию в будущем независимых Румынии и Сербии. В 1857 г. шли острые споры о том, чтобы переименовать созданную в 1840 г. в Коллеж де Франс кафедру славянского языка и литературы в кафедру русского языка и литературы. В результате название оставили без изменения, а возглавил кафедру польский поэт и востоковед, родившийся на территории современной Беларуси, Александр Ходзько [9, р. 294–295; 20, р. 379–382].

Создание в 1891 г. военно-политического блока России, Великобритании и Франции должно было положить конец открытой французской поддержке независимости стран Восточной Европы. И действительно некоторые французские слависты в изучении региона стали ориентироваться на Россию, видя в ней как лидере славян противовес Германии и Австрии. Такой точки зрения придерживался основоположник славистики во Франции, профессор Коллеж де Франс Луи Леже (*Léger, L. Russes et Slaves. Études politiques et littéraires / L. Léger. – Paris: Librairie Hachette et Cie, 1890.; Léger, L. Le panslavisme et l'intérêt français / L. Léger. – Paris: E. Flammarion, 1917.*). Однако напряженная международная ситуация накануне Первой мировой войны привела к тому, что не весь истеблишмент во Франции одобрил альянс с Россией. В 1911 г. во Франции в поддержку национального самоопределения народов Австро-Венгерской и Российской империй был создан «Союз народов» (*Office central des Nationalités*). В 1912 г. – журнал «Анналы национальностей» (*Annales des Nationalités*) [20, р. 383–384].

В западноевропейской историографии начала XX в. была распространена идея о том, что после 1917 г. Россия превратилась в азиатскую страну и окончательно оторвалась от Европы [3, с. 9; 11; 21, р. 28]. Франция заняла ведущее место в борьбе с Советским государством в восточноевропейском регионе, используя фактор католицизма. В связи с этим в 1920–1930-е гг. ее отношения с Ватиканом были восстановлены. Министр иностранных дел Франции в 1925–1932 гг. А. Бриан всерьез рассчитывал на отделение от СССР Украины и Грузии.

Но в 1930-е гг. экономическая слабость Франции привела к ослаблению ее роли в восточноевропейском регионе. В связи с ростом влияния в нем Германии Франция вынуждена была перейти к концепции «санитарного кордона» и «восточного барьера» от коммунизма и фашизма [17, р. 394; 20, р. 386–387].

С установлением Ялтинско-Потсдамской международной системы после Второй мировой войны восточноевропейский регион выпал из западной сферы влияния и попал под влияние СССР. На волне популярности СССР после победы в войне многие французские историки, имевшие прокоммунистические убеждения, поддержали формирование так называемого «социалистического лагеря». Дискредитировавшая себя германцентричная концепция Центральной Европы («Mitteleuropa») в послевоенный период вышла из употребления. С 1945 г. за редким исключением в академической и дипломатической среде Франции стали использовать просоветскую концепцию Восточной Европы еще и потому, что она соотносилась с якобинским идеалом, направленным на централизацию Франции и противостояла ее региональным различиям. Противопоставляя русскую цивилизацию западной буржуазной, французские исследователи использовали термины «страны-попутчики по коммунистическому пути развития», «партнеры» («*compagnons de route*», «*partenaire*»). Известный французский историк, неоспоримый специалист по истории России и славянских народов, профессор Сорбонны, Роже Порталь в своих работах описывал «ситуацию, которую Вторая мировая война... благополучно разрешила, перекроив границы и, главное, образовав единую федерацию государств, населенных славянскими народами с различным языком и культурой... Победа большевистской революции (1917 г.) и последующая экспансия социалистических режимов в Европе (1945–1947 гг.) воплотили давние чаяния народных элит славянских стран...» – писал он (*Portail, R. Les slaves, peuples et nation / R. Portail. – Paris: Armand Colin, 1965. – P. 519*). Р. Порталь писал и об ассимиляции славянского и советского миров, о том, что «территория от Балтийского до Черного моря по «Пути из варяг в греки» была заселена народами, которым трудно дать другое название, чем дают советские историки – древнерусская народность...» (*Portail, R. Russes et Ukrainienes / R. Portail. – Paris: Flammarion, 1970. – P. 116*). Концепция Восточной Европы, включенной в сферу влияния СССР («Восточная коммунистическая Европа», «советский мир»,

«государства-сателлиты СССР»...) была доминирующей во французской историографии до конца 1980-х гг. [8, р. 644–645; 14, р. XII–XIII; 17, р. 394, 399–400; 20, р. 388; 21, р. 27].

Однако после начала «холодной войны» в словаре западных историков и политиков для обозначения изучаемого региона появились и словосочетания с противоположной политической коннотацией: «социалистический лагерь», «страны под военным контролем СССР», государства, «возникшие с помощью советских танков, штыков». Служба внешней документации и контрразведки Франции (*Service de documentation extérieure et de contre-espionnage, SDECE*) для определения восточноевропейского региона использовала словосочетание «советский блок» [6; 20, р. 388].

К Восточной Европе относили страны соцлагеря, СССР же не относили, таким образом, разделяя советский блок государств [21, р. 27]. История восточноевропейского региона и СССР изучалась в неразрывной связи с национальным вопросом, делался вывод о неизбежности межнациональных и межрелигиозных конфликтов в многонациональных государствах. Во внешней политике Франции отмечается стремление всячески ослабить влияние СССР в регионе. Мало изучена роль этой страны в содействии сепаратистским устремлениям И. Б. Тито, который, установив в Югославии коммунистический режим, стал проводить независимый от СССР курс [17, р. 399; 20, р. 388].

Кроме того во второй половине XX в. значительное влияние на развитие западной историографии оказывала эмигрантская научная литература. В научное сообщество Франции вошла созданная в 1940–1950-е гг. в США польским историком Оскаром Галецким (Халецким) американско-польская «концепция Центрально-Восточной Европы» как концепция «*Europe du Centre-Est*» или «*Europe centrale et orientale*» с дополнениями, которые в нее внес известный польский публицист и политик Ежи Гедройц и созданный им в 1947 г. в Париже журнал «Культура». Согласно этой концепции в регион Восточно-Центральной Европы были включены советские республики (Литва, Беларусь и Украина). Эта концепция доминировала в публикациях издательства «Документасьон франсез» и в работах Высшей школы исследований в области социальных наук под руководством французского политолога чешского происхождения Жака Рупника, а также венгерского социолога и политолога Пьера Кенда.

Уже в 1960-е гг. начали появляться работы, направленные на пересмотр доминирующей концепции Восточной Европы, включенной в сферу влияния СССР (*Droz, J. L'Europe centrale. Evolution historique de l'idée de «Mitteleuropa» / J. Droz. – Paris: Payot, 1960. – 284 p.*). В 1980-е гг. в связи с кризисом советской системы во французской историографии стали возвращаться к концепции «Центральная Европа», которая ассоциировалась с германоцентричной идеей и была синонимична понятию «Mitteleuropa», и даже использованию, казалось бы окончательно дискредитированного, термина «Mitteleuropa» (*Le Rider*,

J. Mitteleuropa. – Paris: PUF, 1994. – P. 4–9), привнося в него созданное в статье М. Кундеры и близких к ней по духу русофобских текстах, утерянное по вине России, равенство с Западной Европой.

Кроме того в 1985 г. известным французским историком Фернаном Броделем в предисловии к книге венгерского историка Ене Сюча «Три исторические региона Европы» (*Szucs, J. Les trois régions historiques de l'Europe*, preface par Fernand Braudel / J. Szucs. – Paris: L'Harmattan, 1985. – 128 p.) был введен термин «Средняя или Срединная Европа» (*Europe médiane*). Этот термин получил распространение также в работах одноименного исследовательского центра Национального института восточных языков и цивилизаций (*Centre d'étude de l'Europe médiane à l'INALCO*). В основном, как и понятие «Центральная Европа», термин «Срединная Европа» не распространяется на страны, входившие в состав Советского Союза.

Таким образом, были подготовлены идеологические механизмы включения части постсоциалистической Европы в политические структуры Западной Европы [4; 14, p. XVI–XVII; 17, p. 391, 396–400; 21, p. 26–27].

С конца 1980-х гг. в рамках стремления части французского истеблешмента укрепить Европу и достичь политической самостоятельности Старого Света от США во Франции стала активно разрабатываться идея объединения Западной и Центральной Европы. Во французской историографии с особым вниманием стали изучать вопросы расширения ЕС и внутриевропейских границ [4; 7; 17, p. 404, 407]. После распада СССР во французской историографии стали обыгрываться идеи западничества и славянофильства (*Carrère d'Encausse, H. L'Empire d'Eurasie: une histoire de l'Empire russe de 1552 à nos jours* / H. Carrère d'Encausse. – Paris: Fayard, 2005. – 503 p. *Heller, M. L'Histoire de la Russie et de son Empire* / M. Heller. – Paris: Flammarion, 1997. – 986 p. *Rey, M.-P. Le dilemme russe, La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine* / M.-P. Rey. – Paris: Flammarion, 2002. – 354 p.).

После падения коммунистических режимов в 1989–1991 гг. в западной историографии понятие «Восточная Европа» вышло из употребления. С целью отмежеваться и от Габсбургского наследия Центральной Европы, и от послеялтинской Восточной Европы, обозначая страны восточноевропейского региона, вставшие на путь евроинтеграции, во Франции стали использовать введенное Ф. Броделем понятие «Срединная Европа», а также не претендовавший на полную серьезность термин «Европа между» («*Europe de l'entre-deux*»), а также термин «Страны Центральной и Восточной Европы» («*Pays d'Europe centrale et orientale*») (ПЕКО)). В 2008 г. в Страсбурге прошел фестиваль «Mitteleuropa», организаторы которого в связи с укреплением влияния Гремании в регионе, по-видимому, намеренно использовали этот термин [4; 14, p. XVI–XVII; 16; 18, p. 208–210; 17, p. 394–396, 399–400; 19; 21, p. 29].

Американо-польская концепция Центрально-Восточной Европы окончательно укоренилась в современных работах французских авторов, например, в коллективной монографии французский и польских историков Натальи

Алексюн, Даниэля Бовуа, Мари-Элизабет Дюкрё, Ежи Ключовского, Генрика Самсоновича и Петра Вандича. Эта концепция направлена на утверждение единства Европы с целью обоснования правомочности расширения ЕС на Восток. Принято считать, что политические промахи западных политиков привели к тому, что Европа сузилась до западных рамок. Дурным тоном стало считаться традиционное ранее изучение Европы, подразумевая только западную ее часть. Но, хотя официально европоцентричный подход в изучении восточноевропейского региона осуждается, он подспудно подолжает присутствовать. Восточную Европу рассматривают как младшую, периферийную по отношению к Западной, поэтому ее плохо знают, но признают необходимость ее изучения. И хотя в конце XX – начале XXI в. во Франции в изучении региона произошел прорыв (*Delsol, Ch. Histoire des idées politiques de l'Europe centrale / Ch. Delsol, M. Maslowski, J. Nowicki. – Paris: PUF, 1998. – 606 p.*), французская историография этого региона по-прежнему несколько отстает от немецкой, североамериканской и британской [3, с. 11–20; 12; 14, р. V–VII, р. XVI–XVII; 17, р. 396, р. 404, 406; 21, р. 27].

Кроме того, современная французская историография, находясь под влиянием Школы Анналов, броделевского понятия «longue durée» и современной исторической антропологии, поэтому в изучении восточноевропейского региона особенно пристальное внимание уделяет языку и культуре как основным идентифицирующим факторам. Повсеместно в работах французских авторов внимание акцентируется лишь на одном из аспектов истории восточноевропейских стран, даже если это не дается ясно понять (*Bérenger, J. Histoire de l'empire des Habsbourg / J. Bérenger. – 1er éd. – Paris: Fayard, 1990.*) [13, р. 339; 14, р. VI]. Французский политолог Жак Рупник для объяснения современного развития событий в восточноевропейском регионе справедливо акцентирует внимание на факторе православия [17, р. 404]. Хотя в целом на первый план выносят частности, отдельные элементы культуры, говорят о том, что «общие черты восточноевропейского региона не постоянны, и отражаются не в конкретных вещах, а в атмосфере, впечатлении, городском декоре, образе жизни, например, в городских кафе» [17, р. 398–399, 409]. В то время как влияние религиозного фактора настолько велико, что после распада социалистического лагеря в первый круг расширения Евросоюза попали страны западного христианства, а во второй, а то и не попали вовсе – страны восточного христианства (Румыния, Болгария, Молдова, Сербия, Украина, Беларусь) [1, с. 117]. В итоговой схеме на сайте проекта известного американского политолога и социолога Рональда Инглхарта «Всемирный обзор ценностей» («World values survey», WVS) (1981–2014 гг.) в единый цивилизационный кластер также вошли все православные страны Европы вне зависимости от их принадлежности к Евросоюзу.

Во французской историографии проводится сверхспециализированное изучение каждого восточноевропейского этноса, то есть создается максимально разделенный регион [3, с. 11, 15]. Это происходит потому, что, как отмечают

специалисты, истинной целью европейской интеграции является демонтаж национально-государственных образований и устранение политических границ для обеспечения свободного перемещения транснационального капитала. В «строящейся» Европе («Европе регионов», «Европе без границ», «Европе племен», как ее называет на Западе) государственные границы должны быть размыты и заменены границами функциональными, признающими только критерий экономической эффективности [5].

Таким образом, рассмотренные нами историографические концепции Франции XIX – начала XXI в. отражают процессы геополитической трансформации в этот период. От откровенно ориенталистского подхода в изучении региона на Западе пришли к обоснованию его причастности к западноевропейской культуре и, изъятию, таким образом, из сферы влияния России.

Список использованных источников

1. Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Л. Вульф. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с.
2. Грицак, Я. И мы в Европе? / Я. Грицак // Перекрестки. – 2004. – № 1–2. – С. 109–123.
3. Дэвис, Н. История Европы / Н. Дэвис. – М.: АСТ Москва : Хранитель, 2006. – 943 с.
4. Миллер, А. Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России / А. Миллер // Независимый филологический журнал. Русский журнал. – 2001. – № 52. – Режим доступа: <http://textarchive.ru/c-2000693.html>. – Дата доступа: 15.07.2018.
5. Четверикова, О. Н. Теневая история Евросоюза. Планы, механизмы, результаты / О. Н. Четверикова. – Режим доступа: http://coollib.com/b/319367/read#n_166. – Дата доступа: 15.12.2016.
6. Шенкер, А. В скольких Европах мы живем? / А. Шенкер // Новая Польша – 2008. – № 5. – Режим доступа: <https://novpol.org/ru/BJHrudfPib/V-SKOLKIH-EVROPAN-MY-ZhIVEM>. – Дата доступа: 10.02.2020.
7. Barnavie, E. Les frontières de l'Europe / E. Barnavie, P. Goossens. – Bruxelles: De Boeck, 2001. – 250 p.
8. Beauvois, D. Les controverses historiographiques autour de l'Ukraine-Ruthénie (France, Russie, Pologne) / D. Beauvois // Histoire de l'Europe du Centre-Est / N. Aleksiu, D. Beauvois, M.-É. Ducreux. – Paris: PUF, 2004. – P. 644–645.
9. Beauvois, D. L'espace de la République polono-lituanienne aux XVIII et XIX siècles / D. Beauvois // Histoire de l'Europe du Centre-Est / N. Aleksiu, D. Beauvois, M.-É. Ducreux. – Paris: PUF, 2004. – P. 295–298.
10. Béranger, J. Lexique historique de l'Europe danubienne / J. Béranger. – Paris: Armand Colin, 1977. – 255 p.
11. Coeuré, S. La grande lueur à l'Est: les Français et l'URSS, 1917–1939 / S. Coeuré. – Paris: Le Seuil, 1999. – 358 p.
12. Delsol, Ch. Faut-il traiter les pays du centre-est européen comme peripheries? / Ch. Delsol // East-Central Europe in European History. Themes & Debates / Edited by J. Kłoczowski and H. Łaskiewicz. – Lublin, 2009. – P. 73–83.
13. Ducreux, M.-É. La monarchie des Habsbourg, la Bohême et la Hongrie de 1700 à 1900 / M.-É. Ducreux // Histoire de l'Europe du Centre-Est / N. Aleksiu, D. Beauvois, M.-É. Ducreux. – Paris: PUF, 2004. – P. 337–341.
14. Kłoczowski, J. Introduction / J. Kłoczowski // Histoire de l'Europe du Centre-Est / N. Aleksiu, D. Beauvois, M.-É. Ducreux. – Paris: PUF, 2004. – P. I–XX.
15. Kłoczowski, J. Les pays d'Europe du Centre-Est du XIV au XVII siècle / J. Kłoczowski // Histoire de l'Europe du Centre-Est / N. Aleksiu, D. Beauvois, M.-É. Ducreux. – Paris: PUF, 2004. – P. 107–254.

16. Kuus, M. Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe / M. Kuus // Progress in Human Geography. – 2004. – № 28, 4. – P. 482–484.

17. Marès, A. L'Europe centrale contemporaine et l'Europe: une réflexion française / A. Marès // East-Central Europe in European History. Themes & Debates / Edited by J. Kłoczowski and H. Łaszkievicz. – Lublin, 2009. – P. 391–411.

18. Mayeur, J.-M. Les avatars et la complexité de l'Est et du Centre de l'Europe / J.-M. Mayeur // East-Central Europe in European History. Themes & Debates / Edited by J. Kłoczowski and H. Łaszkievicz. – Lublin, 2009. – P. 207–230.

19. Rupnik, J. L'autre Europe: crise et fin du communisme / J. Rupnik. – Paris: Le Seuil, 1993. – 446 p.

20. Soutou, G.-H. La France et le problème de l'Europe du Centre-Est depuis 1815 / G.-H. Soutou // East-Central Europe in European History. Themes & Debates / Edited by J. Kłoczowski and H. Łaszkievicz. – Lublin, 2009. – P. 379–390.

21. Soutou, G.-H. Reflexions sur l'identité et les limites de l'Europe / G.-H. Soutou // East-Central Europe in European History. Themes & Debates / Edited by J. Kłoczowski and H. Łaszkievicz. – Lublin, 2009. – P. 25–41.

(Дата подачі: 20.02.2020 г.)

A. Ф. Самусік

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск

A. F. Samusik

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 37(476)(091)“16”

ПРАВАСЛАЎНАЯ АДУКАЦЫЯ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVII СТ.

ORTHODOX EDUCATION IN THE TERRITORY OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF XVII CENTURY

Навуковы артыкул прысвечаны нераспрацаванай у гістарыяграфіі праблеме эвалюцыі праваслаўнай адукацыі на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XVII ст. Адзначаны разрыў кантактаў з Кіевам, што прывяло да дэцэнтралізацыі ў дзейнасці мясцовых праваслаўных школ. Вызначаны асноўныя праваслаўныя цэнтры адукацыі (Вільня, Полацк, Магілёў) і прааналізаваны змены ў арганізацыі ў іх вучэбна-выхаваўчага працэсу. Разгледжаны працэс пераўтварэння шэрагу брацкіх школ у манастырскія вучылішчы.

Ключавыя словы: праваслаўная царква; брацтвы; адукацыя; дэцэнтралізацыя; брацкія школы; манастырскія школы.

The scientific article is devoted to the problem of the evolution of Orthodox education on the territory of Belarus in the second half of the XVII century. The gap in contacts with Kiev was noted, which led to decentralization in the activities of local Orthodox schools. The main Orthodox educational centers (Vilna, Polotsk, Mogilev) were identified and changes in the organization of the educational process in them were analyzed. The process of converting a number of brotherhood schools into monastic schools is considered.

Key words: orthodox church; brotherhood; education; decentralization; brotherhood schools; monastery schools.